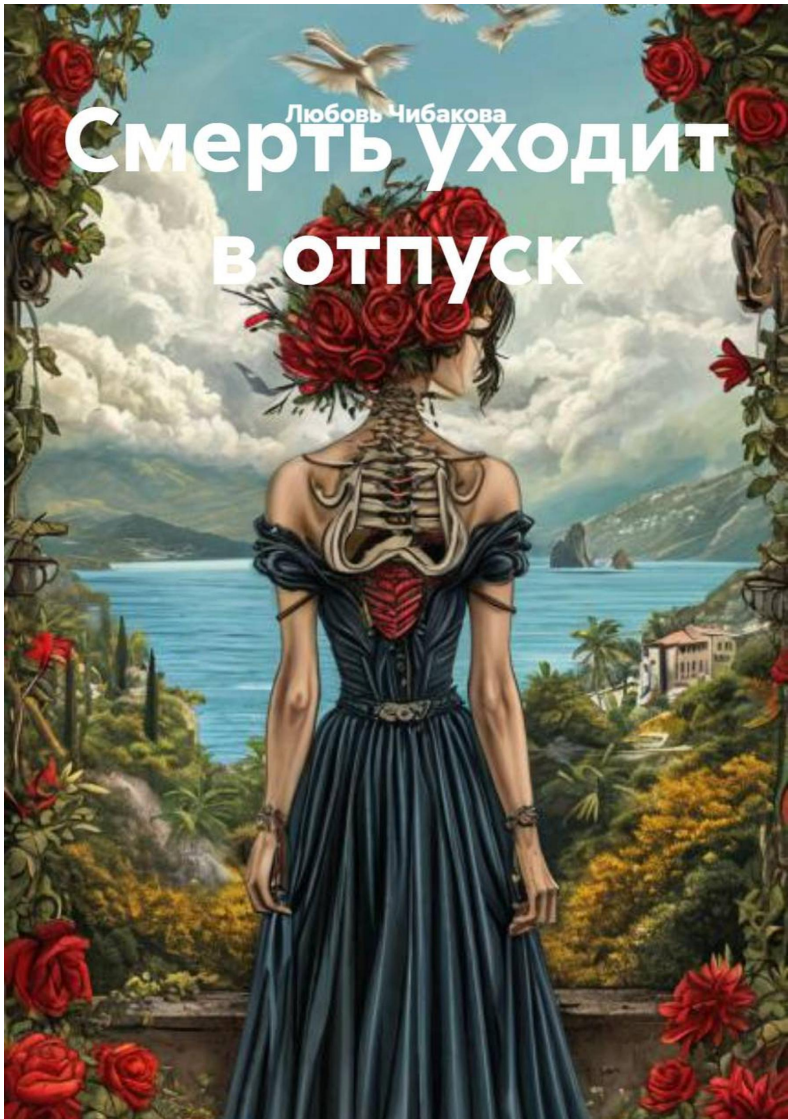

Любовь Чибакова

Смерть уходит в отпуск

Любовь Чибокова

Смерть уходит в отпуск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73001117

SelfPub; 2025

Аннотация

Смерть не должна влюбляться.

Тем более – брать отпуск.

Ида – Смерть. Она привыкла забирать людей вовремя, без эмоций и без вопросов.

Но одна ошибка, один человек – и привычный порядок рушится. Любовь не предусмотрена инструкциями, небесная канцелярия теряет контроль, Дьявол затаивает обиду, а человеческая жизнь оказывается сложнее любой вечности.

«Смерть уходит в отпуск» – ироничный мистический роман о любви без правил, о страхе быть живым и о выборе, который однажды делает даже Смерть.

Любовь Чибокова

Смерть уходит в отпуск

Глава 1

В четверг Ида всегда была особенно уставшей.

Не потому что день тяжёлый – просто в четверг приходят списки.

Её кабинет находился вне времени. Не в аду, не в раю – в месте, где часы шли только тогда, когда было нужно. Потолок высокий, слегка треснувший, как у старых библиотек. Стены – тёмные, вытертые, будто на них веками опирались спинами те, кому больше некуда было идти.

Окно было одно. За ним не было вида – только медленно текущий серый свет, похожий на вечный пасмурный вечер. Иногда он напоминал сумерки, иногда – предгрозовую тишину.

Массивный стол из чёрного дерева хранил следы прошлых эпох: царапины от перьев, следы чернил, прожжённое сигаретой пятно в форме континента, которого давно не существовало.

На столе – стопки папок, старые песочные часы, пепель-

ница, переполненная так, будто Ида курила за всех живых разом.

Она сидела, откинувшись в кресле, закинув ногу на ногу, и курила. Медленно. Без спешки.

Кофе в чашке давно остыл – Ида пила его не ради вкуса, а ради ритуала.

Разрядка пришла беззвучно.

Плотный конверт лёг на стол сам по себе, аккуратно, будто извиняясь.

В углу стояла подпись: Архивариус.

Ида вздохнула и раздавила окурочок.

– Ну давай, – пробормотала она. – Удиви меня.

Она вскрыла конверт, пролиставла первые страницы.

Пожилые. Болезни. Несчастные случаи. Старые договорённости, выполненные без эмоций.

Ида читала без выражения лица.

Не из жестокости – из профессиональной усталости.

Одиннадцатый.

Двенадцатый.

Она уже хотела закрыть папку, когда взгляд зацепился за последнюю строку.

Евгений.

27 лет.

Причина: сердечный приступ.

Ида замерла.

Сигарета дотлела между пальцами, оставляя тонкую линию пепла, но она не заметила.

Она перечитала строчку ещё раз. Потом ещё.

– Нет... – тихо сказала она. – Слишком рано.

Она откинулась в кресле и уставилась в серый свет за окном.

– Архивариус, – произнесла Ида в пустоту, – ты опять что-то перепутал...

Или это теперь такая шутка?

Ответа не последовало.

В четверг ответы редко приходили сразу.

Ида закрыла папку.

Но список уже не отпускал.

Архив находился этажом ниже её кабинета – если, конечно, это можно было назвать этажом. Туда не вели лестницы. Туда проваливались, когда очень злились или очень сомневались.

Ида оказалась там мгновенно.

Архив был бесконечным. Стеллажи тянулись вглубь, ввысь и вбок, теряясь в сером мареве. Папки, книги, свитки – всё было разложено с маниакальной точностью. Ни пылинок. Ни хаоса. Ни жизни.

За длинным столом сидел Архивариус.

Он выглядел так, будто его собрали из бумаги, пыли и недосказанностей. Худой, сухой, в очках без оправы. Его лицо не выражало ничего – даже раздражения. Особенно раздражения.

– У тебя вопрос, – сказал он, не поднимая головы.

– У меня претензия, – отрезала Ида. – Тринадцатый в списке. Евгений. Двадцать семь. Сердечный приступ. Это ошибка.

Архивариус перелистнул страницу.

– Нет.

– Он не из тех, – продолжила Ида, подходя ближе. – Нет договора. Нет предупреждений. Нет предварительных сбоев.

– Есть предрасположенность, – сухо ответил он. – И цепочка событий.

– Каких событий? – она наклонилась к столу. – Он что, завтра должен уничтожить мир?

Архивариус впервые поднял глаза.

– Мы не обсуждаем «должен». Мы фиксируем «случилось».

– А если не случилось? – в голосе Иды зазвенело.

Он снял очки, аккуратно протёр их.

– Ты устаёшь, Ида.

– Я работаю.

– Ты сомневаешься.

– Я думаю.

Архивариус посмотрел на неё долго. Так смотрят не на людей – на процессы, которые выходят из-под контроля.

– Разрядка утверждена, – сказал он наконец. – Вмешательства не предусмотрено.

– А если я не пойду? – тихо спросила Ида.

Он надел очки.

– Ты всегда идёшь.

Ида вышла в город. Многие города выглядят одинаково: вечер, немного дождя, асфальт блестит, фонари светят неуверенно, будто сомневаются, стоит ли вообще продолжать. Люди шли мимо – живые, шумные, раздражённые, уставшие. Они не замечали её. Никогда не замечали.

Она шла медленно.

Обычно путь к дому человека был коротким и пустым. Сегодня дорога тянулась.

Слишком много деталей.

Запах мокрой листвы. Чужой смех из окна. Мужчина, ругающийся по телефону. Женщина, поправляющая ребёнку шапку.

– Чёрт, – пробормотала Ида, закуривая на ходу.

Она знала: если начинаешь замечать живых – значит, что-то пошло не так.

Дом Евгения стоял в конце тихой улицы. Пятиэтажка, облупленная, но упрямо живая. Подъезд пах кошками и старыми новостями. Лампочка над входом моргала – как будто предупреждала.

Ида остановилась.

В груди – не боль. Не страх. Соппротивление.

– Двадцать семь, – тихо сказала она. – Ну кто в таком возрасте умирает от сердца...

Она посмотрела на окна. В одном горел свет.
Там был он.
Ещё живой.

Ида затушила сигарету о металлические перила и впервые за очень долгое время... не торопилась войти.

Глава 2

Ида вошла в подъезд, и дверь за её спиной закрылась слишком громко – как крышка гроба.

Она поморщилась. Плохая примета. Даже для неё.

Лифт не работал. Конечно.

Она поднялась пешком, считая ступени – старая привычка, от которой невозможно избавиться. На третьем этаже она остановилась.

Сердце человека всегда знает, когда за ним пришли. Даже если голова делает вид, что всё нормально.

Она подошла к двери. За ней кто-то ходил.
Поставил чайник. Уронил ложку. Выругался.

Живой. Абсолютно живой.

Ида подняла руку – и замерла.

В этот момент дверь открылась сама.

Он стоял босиком, в старой футболке, с чашкой в руке. Немного растерянный, немного сонный. Совсем обычный. Настолько обычный, что это было почти оскорбительно.

– Вы... – начал он и осёкся.

Евгений смотрел прямо на неё.

Не сквозь. Не мимо. На неё.

– А... – он сглотнул. – Вы кто?

Ида медленно опустила руку.

– Поздно спрашивать, – сказала она честно.

Он нахмурился, всматриваясь в неё, будто пытался вспомнить, где мог её видеть.

– Вы... из скорой?

– Нет.

– Из полиции?

– Тоже нет.

Он перевёл взгляд ниже, заметил косу – длинную, тонкую, больше похожую на старый садовый инструмент, чем на символ.

– Тогда... кто?

Ида выдохнула.

– Ида.

– Это имя или диагноз? – нервно усмехнулся он.

Она почти улыбнулась. Почти.

– Мне жаль, – сказала она. – У тебя осталось очень мало времени.

Тишина упала между ними, тяжёлая, вязкая.

– Вы шутите? – спросил он наконец. – Если это розыгрыш, то не смешно.

– Я никогда не шучу, – ответила Ида. – У меня работа без юмора.

Он смотрел на неё долго. Слишком долго для человека, которому «остались минуты».

– Тогда почему я вас вижу? – тихо спросил он.

Вот он. Вопрос, которого не должно было быть.

Ида почувствовала, как что-то внутри неё... дрогнуло.

– Потому что ты умираешь, – сказала она. – Обычно в этот момент люди начинают видеть правду.

– А вы... – он запнулся, – вы правда...?

– Да.

Он медленно поставил чашку на тумбочку. Руки у него дрожали, но он старался держаться.

– И что теперь?

Ида посмотрела на него. На его глупую футболку. На босые ноги. На живого человека, которому по документам уже пора.

– Теперь... – она замолчала.

Впервые за сотни лет она не знала, что сказать дальше.

Потому что внезапно подумала:

«А если нет?»

Ида посмотрела на часы. Часов на стене не было.

Но она всегда знала время – оно жило у неё под кожей, тикало где-то между ключицами и памятью.

– У нас... – она сделала паузу, будто подбирая слова, – есть десять минут.

Евгений моргнул.

– Это как? Типа... отсрочка?

– Типа сбоя, – сухо сказала она. – Не задавай вопросов. Я и так уже нарушаю всё, что можно.

Он медленно выдохнул, словно боялся, что если вдохнёт слишком резко – эти минуты исчезнут.

– Тогда... может, чай?

Ида посмотрела на чайник, который как раз начал закипать.

Судьба, как всегда, была с плохим чувством юмора.

– Давай, – сказала она. – Всё равно ты его уже поставил.

Они сели на кухне. Маленькой, тесной, с облупленным подоконником и цветком, который давно пора было выбросить, но рука не поднималась.

Евгений разлил чай.

– С сахаром?

– Без, – ответила Ида. – Я не чувствую сладкое.

– Логично, – кивнул он. – А горькое?

Она посмотрела на сигарету в своей руке.

– Очень даже.

Он улыбнулся. Неловко. Живо.

– Знаете... – начал он и осёкся. – Прости... ты.

– Можно без формальностей, – сказала Ида. – Мне уже всё равно.

– Тогда ладно. Ты первая Смерть, которую я представ-

лял... другой.

– С косой, в капюшоне и без чувства юмора? – хмыкнула она.

– Ну... да. И пострашнее.

– Я устала пугать, – честно сказала Ида. – Это выматывает.

Он задумался, покрутил чашку.

– А ты... часто забираешь таких, как я?

– Таких – да, – ответила она. – Молодых, здоровых, уверенных, которые ещё не успели....

– А мы успеем? – спросил он тихо.

Она посмотрела ему в глаза. Прямо. Без привычной дистанции.

– Обычно – нет.

Тишина снова села за стол. Но теперь она была тёплой.

– А любовь? – вдруг спросил он. – Вы... ты её тоже забираешь?

Ида замерла.

– Нет, – сказала она после паузы. – Любовь всегда остаётся. Даже когда человек уходит.

– Жаль, – усмехнулся он. – Я так и не успел.

Что-то внутри неё щелкнуло. Не больно. Страшно.

– Время идёт, – сказала она, глядя в пустоту.

– Сколько осталось?

– Семь минут.

Он кивнул.

– Тогда расскажи мне... каково это – жить вечно?

Ида посмотрела на дым от сигареты, который поднимался к потолку.

– Одиноко.

И вдруг поняла, что не хочет вставать.

Глава 3

Ида ушла раньше, чем чай успел остыть.

Не потому что время закончилось. А потому что она испугалась. За тысячелетия у неё не появилось сердца – это правда. Но было кое-что другое, гораздо опаснее: память.

И именно она сейчас шевелилась внутри, как проснувшийся зверёк.

Евгений остался на кухне.

Живой. Пока ещё.

Ида шла по лестнице вниз и ловила себя на странной мысли:

ей хотелось обернуться и проверить – дышит ли он.

– Чушь, – прошептала она себе. – Абсолютная чушь.

Смерть не должна проверять дыхание.

На улице было пасмурно. Асфальт пах дождём и чужими жизнями. Обычно этот запах её успокаивал. Сегодня – раздражал.

Она остановилась у подъезда и вдруг поняла: она впервые за всё время не знает, что делать дальше.

Любовь.

Слово было знакомое. Она видела его миллионы раз – в письмах, в мыслях, в последних взглядах.

Но никогда не задавалась вопросом, что оно делает с теми, кто остаётся.

И уж точно не думала, что ей самой захочется это узнать.

– Я не могу, – сказала она вслух. – Я просто... не могу.

Внутри ничего не билось – сердца у неё действительно не было. Но что-то колыхнулось. Медленно. Осторожно.

Будто в пустой комнате вдруг появился сквозняк.

Ида подняла воротник пальто и направилась не туда, куда должна была.

Разнарядка была чёткой.

13-й пункт.

Евгений, 27 лет. Сердечный приступ. 18:40.

Чтобы отменить смерть, нужно было невозможное.

Чтобы отложить – преступление.

Чтобы скрыть – безумие.

Ида выбрала третье.

Она знала систему лучше, чем кто-либо. Знала, где Архивариус ленится. Где списки проверяют автоматически. Где время иногда «теряется» между строк.

Если человек не умирает в назначенную минуту, его дело висит.

Не навсегда – но достаточно, чтобы выиграть время.

А время – это всё, что ей сейчас было нужно.

– Всего немного, – пробормотала она. – Совсем чуть-чуть.

Я просто посмотрю.

Она достала сигарету. Зажгла.

Дым поднялся вверх и на секунду принял форму песочных часов.

– Предательница, – сказала Ида самой себе. Но без злости.

Она уже знала: назад дороги нет.

Архивариус заметил это не сразу.

Сначала – лёгкое раздражение. Потом – ощущение, будто в тексте не хватает запятой. Потом – холодное, неприятное понимание.

Он не поднимал глаз от стола.

Перед ним лежал реестр – бесконечный, как всё, что он вел. Строки сами выстраивались, даты мерцали, имена гасли, когда срок истекал.

И одно имя не погасло.

Евгений.

27 лет.

Сердечный приступ.

18:40.

Время уже ушло. А запись – осталась.

Архивариус аккуратно поправил очки, хотя зрение у него было идеальное. Он делал это всегда, когда что-то не сходилось.

– Странно, – сказал он вслух.

Он провёл пальцем по строке. Система не возмушалась. Не сигнализировала. Просто... молчала.

Это было хуже ошибки.

Архивариус нажал на знак вызова. Через секунду воздух рядом с его столом дрогнул.

Ида появилась без эффектов. Обычное пальто. Слегка уставшее лицо. Запах кофе и сигарет.

– Ты вызывал, – сказала она спокойно.

Архивариус наконец поднял глаза.

– У нас несостыковка, – произнёс он ровно. – Пункт тринадцатый. Твоя зона.

– Бывает, – пожала плечами Ида. – Люди любят жить.

Он не улыбнулся.

– Люди могут любить что угодно. Система – нет.

Он развернул к ней реестр.

– Время прошло. Фиксации нет. Переход не зафиксирован.

Ида наклонилась, посмотрела на строку. Сделала вид, что удивилась.

– Значит, ошибка тайминга, – сказала она. – Сердце – штука капризная. Может, сдвиг на несколько минут.

Архивариус медленно покачал головой.

– Ты знаешь правила.

Если смерть отложена – должна быть отметка.

Если отменена – должна быть причина.

Здесь – пусто.

– Значит, сбой, – мягко ответила Ида. – У вас.

Это было дерзко. Очень дерзко.

Архивариус долго смотрел на неё. Не как начальник. Как бухгалтер, заметивший лишний ноль.

– Ты была на месте, – сказал он наконец.

– Да.

– Контакт был?

Ида не отвела взгляд.

– Был.

– Объект осознавал происходящее?

– Осознавал.

– И ты его не забрала.

Вот тут Ида чуть улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

– Он ещё дышал, – сказала она. – Я не имею права торопить.

Это была ложь. Красивая. Точная. Почти правдоподобная.

Архивариус сделал пометку. Перо скрипнуло неприятно.

– Я проверю, – сказал он. – Если выяснится вмешательство...

– ...ты отправишь меня в архив? – перебила Ида. – Или сразу в небытие?

Он посмотрел на неё поверх очков.

– Я отправлю тебя в отчёт. А дальше – как решат выше.

Это было хуже небытия.

Ида кивнула.

– Тогда могу идти?

– Иди, – сказал Архивариус. – Пока.

Когда она исчезла, он снова посмотрел на строку. Имя всё ещё было там.

Архивариус нахмурился.

– Очень плохо, – пробормотал он.

– Смерть, которая врёт, – это начало конца.

Глава 4

Ида думала о Евгении чаще, чем позволяли инструкции. Не постоянно – нет. Но достаточно, чтобы это стало проблемой.

Она ловила себя на том, что вспоминает, как он держал чашку, как усмеялся, когда говорил, что не боится смерти, и как врал – плохо, по-человечески – что всё у него в жизни нормально.

Это было неправильно. Смерти не положено помнить.

В четверг разнарядка пришла раньше обычного.

Ида ещё не успела допить кофе, когда лист сам собой развернулся на столе. Она пробежала глазами первые строки... и сразу увидела его.

Евгений.

27 лет.

Повторная фиксация.

Причина: осложнение.

Время: сегодня. 22:10.

Ида медленно выдохнула дым.

– Ну конечно, – сказала она в пустоту. – Контрольная попытка.

Она знала: это не случайность. Архивариус проверял.

Отложить смерть второй раз – значит признаться в вмешательстве.

Забрать – значит предать себя.

Ида сидела долго. Пепел с сигареты упал на стол, прожёт идеальную поверхность. Кабинет этого не заметил. А она – заметила.

– Всё, – сказала Ида. – Хватит.

Она встала и пошла не к Архивариусу. А в канцелярию.

Начальник у Смерти был. Его называли по-разному:

Куратор.

Регулятор.

Иногда – просто Он.

Выглядел он скучно.

Так выглядят те, кто пережил всё и больше ничего не ждёт.

Он читал её заявление молча.

– Отпуск, – наконец произнёс он. – Ты серьёзно?

– Более чем, – ответила Ида. – Ошибки участились. Фиксации плавают. Я теряю точность.

– Ты теряешь холод, – поправил он.

– Это лечится отдыхом.

Он посмотрел на неё внимательно. Слишком внимательно.
но.

– Причина?

Ида не стала врать.

– Я устала забирать тех, кто ещё не успел пожить.

Тишина.

– Ты знаешь правила, – сказал Он.

– Знаю, – кивнула Ида. – Поэтому и прошу отпуск. Пока не начала их нарушать окончательно.

Он долго смотрел на неё. Потом взял печать.

– Отпуск одобрен, – сказал он сухо.

– Срок – ограничен. Объект, вызвавший сбой, из поля твоей ответственности исключается.

Ида замерла.

– То есть?..

– Его судьбу возьмёт система. Без твоего участия.

Это был риск.

Но Ида улыбнулась впервые за долгое время.

– Благодарю.

Она вышла, не оборачиваясь.

Вечером она пришла к Евгению. Без плаща. Без тени. Без времени за спиной.

Он открыл дверь и удивился:

– Вы... опять вы.

– Я, – сказала Ида.

– И у меня есть к тебе странное предложение.

Он молча впустил её.

– Ты когда-нибудь был на море? – спросила она, проходя на кухню.

– Был, – осторожно ответил он. – А вы?

– Я – никогда, – сказала Ида честно. – И у меня отпуск.

Он рассмеялся.

– Подождите... вы серьёзно?

Ида посмотрела на него внимательно. Как смотрят не на обречённого, а на человека, с которым хочется идти дальше.

– Поехали со мной, – сказала она. – На море.

Просто пожить. Пока можно.

Он долго молчал. Потом кивнул.

– Знаете, – сказал Евгений, – если вы – смерть, то у вас очень хорошее чувство момента.

Ида усмехнулась.

– Я стараюсь.

Евгений согласился не сразу.

Он сидел, крутил в руках ложку и смотрел на Иду так,

будто перед ним была не женщина, а хорошо замаскированное безумие.

– Если честно... – наконец сказал он, – мне терять уже нечего.

Ида кивнула.

– Именно поэтому я и пришла.

– А если это всё... – он махнул рукой, – галлюцинация перед финалом?

– Тогда у тебя будет самая странная галлюцинация в жизни, – спокойно ответила она. – С поездом, морем и плохим кофе в пластиковых стаканах.

Он усмехнулся.

– Ладно. Поехали.

И в этот момент внутри Иды что-то дрогнуло.

Не сердце – сердца у неё не было. Скорее... привычка не привязываться дала трещину.

Ида могла переместиться мгновенно.

Один шаг – и они были бы у моря. Без времени, без расстояния, без ожидания.

Но она стояла перед кассой.

– Два билета, – сказала она. – Купе. Обычное. Без чудес.

Кассирша посмотрела на неё устало:

– Паспорт.

Ида замерла.

– У меня... – начала она и осеклась.

Евгений молча протянул свой.

– На моё имя. Я с девушкой.

Ида посмотрела на него.

Слово девушка странно легло ей на плечи. Как чужое пальто – но тёплое.

– Хорошо, – Ида взяла билеты. Бумажные. С датой. С номером вагона.

Она провела по ним пальцами.

– Это и есть время? – спросила она тихо.

– Ага, – ответил Евгений. – Оно всегда так выглядит. Сначала ты его держишь в руках, а потом оно тебя догоняет.

Ида задумалась.

Купе пахло пылью, старым текстилем и чьими-то про-

шлыми разговорами.

Она села у окна. Смотрела, как платформа медленно отъезжает.

– Странно, – сказала она. – Обычно всё происходит мгновенно. А тут... приходится ждать.

– Привыкай, – улыбнулся Евгений. – Это и есть жизнь.

Она смотрела, как за стеклом меняется пейзаж. Дома, деревья, огни – всё ускользало, но не исчезало сразу.

– А ты... – осторожно спросил он, – ты правда... ну...

– Смерть? – спокойно подсказала Ида.

Он кивнул.

– Да.

– Правда, – сказала она. – Но сейчас я в отпуске.

– И как это? – спросил он.

Ида задумалась.

– Пусто, – честно ответила она. – Тело – оболочка. Внутри – только душа. Без привычных функций.

– А душа умеет отдыхать?

Она посмотрела на него.

– Не знаю. Вот и проверим.

Поезд качнулся. За окном наступал вечер. И впервые за тысячелетия Ида никуда не спешила.

Глава 5

Ночью поезд дышал. Ида поняла это не сразу. Сначала ей казалось, что кто-то большой и усталый лежит под вагонами и медленно, размеренно вдыхает и выдыхает. Металл поскрипывал, стены тихо постанывали, а рельсы отстукивали одно и то же слово:

«Поздно. Поздно. Поздно...»

Евгений спал.

Спал по-человечески: раскинув руку, подложив под щеку угол подушки, с лёгким сопением – таким, за которое живых обычно прощают.

Ида сидела на верхней полке и смотрела на него. Тысячи лет она видела людей в последние секунды. Судороги. Паника. Мольбы. Иногда – облегчение.

Но вот так... Просто спящего.

– Странно, – прошептала она. – Ты даже не боишься.

Евгений во сне нахмурился и перевернулся на бок.

Ида впервые поймала себя на мысли: если сейчас его забрать – это будет... неправильно.

Она вздохнула. Вернее, попыталась – и снова получилось не совсем.

Утром Евгений проснулся голодным, как и положено живому человеку.

– Пойдём в вагон-ресторан? – предложил он. – Или хотя бы чай возьмём.

– Чай, – повторила Ида, будто пробовала слово на вкус. – Это который... горячий и бессмысленный?

– Именно.

Они сидели за маленьким столиком. Перед Идой поставили тарелку с омлетом. Она посмотрела на него с подозрением.

– Это... еда?

– Угу. Иногда даже вкусная.

Она осторожно ткнула вилкой. Омлет дрогнул. Ида отёрнула руку.

– Он сопротивляется.

– Он просто омлет, – засмеялся Евгений. – Ешь.

Она положила в рот крошечный кусочек.

Замерла.

– Ну? – спросил он.

– Я... – она нахмурилась. – Ничего не чувствую.

– Совсем?

– Совсем.

Но почему-то... – она задумалась, – мне хочется попробовать ещё.

Евгений улыбнулся.

– Это и есть человеческая глупость. Добро пожаловать.

Ида ела медленно, аккуратно, будто боялась, что еда её разоблачит. Но ничего не происходило. Мир не рушился. Смерть не становилась живой.

Зато внутри появилось странное ощущение: ей хотелось сидеть здесь дольше.

В это же утро, далеко отсюда, в сером зале без окон Архивариус перелистывал папки.

– Странно... – пробормотал он.

Он снова посмотрел в список.

Евгений Сергеевич К.

27 лет.

Причина: сердечный приступ.

Статус: НЕ ЗАВЕРШЕНО.

Архивариус нахмурился.

– Не может быть.

Он поднял трубку, на которой не было ни кнопок, ни проводов.

– Ида.

Тишина.

Он постучал пером по столу.

– Ида, я вижу задержку. Десять минут – это одно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.